

Дунай Иванович (2)

Ой же ты, ездил Дунай из орды в орду,
Из орды в орду да из земли в землю.
Ой, заехал к королю да к Ляховинцькому.
Уш он жил у короля да ровно деветь лет;
Перво три́ годы он жил у короля во стольщицьках,
Друго три́ годы он жил у короля во конюхах,
Третьё три́ годы он жил у Настасьюшки ф постельщицьках:
Не пуховыи перинушки отряхивал,
Не круто, высоко изголовьице накладывал,
Тойко спал с Настасьёй на кроватицьки тесовыи,
На одной периноцьки пуховыи,
Как дёржал руки выше колен, пониже пояса,
Как лёжал он у Настасьи на белых грудях.
Заводилсэ у короля поцесен пир
Как на фсех князей на фсех на бёяроф,
Ой на фсих сильниих, могуциих богатырей.
Ишше фси-то на пиру-то пьяны, вёселы,
Ишше фси-то на пиру да приросхвастались:
Как которой хвастат молодой жоной,
Как которой хвастат золотой казной,
Как которой хвастат силой богатырьською.
Как один Дунаюшко не хвастаёт.
Ешше ходит король по полатам белокаменным,
Сам он говорит да таковы реци:
«Ой же ты, Дунай да сын Ивановиць!
Для цего ты, Дунаюшко, не хвастаёшь?
Или не́цим, добру тебе веть молотцю, похвастати?»
Говорит Дунай да таковы реци:
«Ой же ты, король да Ляховинцькии!
Ишше есть у мя да цим похвастати!
Как жил у тя у короля ровно деветь лет;
Перво три́ годы я жил у тя во конюхах,
Ай друго три́ годы я жил у тя во стольшиках,
Третье три́ годы я жил у Настасьюшки ф постельщицьках:
Не пуховыи периноцьки ростряхивал,

Не круто́, высоко́е зголови́це накладывал,
Тойко спал с Настасьёй на одной периноцьки пухови,
Ай лёжал у Настасьи на белых грудях».

Тойко тут королю за беду палось,
Ой за ту досадушку великую:

«Ой вы, пановя мои, улановя,
Уш как те тотара немилосьливы!
Вы ведите-ко Дуная во цистó полё,
Хоть во то ф полё Куликово,
Ай ко той ко плахи г белолиповой,
Ай рубите-ко, казните с плець да буйну голову».

Ой как брали Дуная за белы руки,
Поводили во то ф полё Куликово,
Ко той ко плахи г белолиповой,
Как рубить-казнить да буйну голову.

Тут Дунаушко да вот расплакалсэ:
«Ты прошшай, прошшай, да прошшай белой съвет!
Мне по этой сырой матушки-земли не хаживать,
Травушки-муравушки не таптывать!
Вы прошшайте, люди православныя,
Прошшай, душоцька Настасья королевисьня!»

Как скрицял-ззыцял Дунай да зыцьним голосом,
Как во фсю пору да молодецькую,
Ой во фсю свою гортань да богатырьцькую:
«Как прошшай, прошшай, да прошшай белой съвет!
Мне по этой сырой матушки-земли не хаживать,
Травушки-муравушки не таптывать!
Вы прошшайте, люди православныя,
Прошшай, душинька Настасья королевисьня!»

Ой бросаласи Настасьюшка по плець в окно:

«Ой вы, пановя мои, улановя,
Вы уш те тотары немилосьливы!
Вы ведите-ко Дуная на широкой двор».

Приводили Дуная на широкой двор.
Как брала Настасья за белы руки,
Целовала Настасья ф сахарьни́ уста.
Поскоре того Дунай поворот дёржит.
Как седлал, уздал своя добра коня;
Ой накладывал свою приправу богатырьцькую,

Одевал усьпехи богатырьцькии.
Только видели Дуная седуци,
Да не видели Иваниця поедуци;
Не дорогамы, да не воротамы, —
Цересь те ли сътены городовыи.
Тойко жолтыи песоцьки столбом ставятце.
Как приехал во Киёф ко солнышку Владимиру.
Заводилсэ у солнышка поцесен пир,
Как на фсех князей на фсех на ббьяроф,
А на фсих сильниих, могуциих богатырей.
Шше вси-то на пиру да пьяны, веселы,
Ешше вси-то на пиру да приросхвастались:
Которой хвастат золотой казной,
Как которой хвастат силой богатырьцькою,
А которой хвастат молодой жонной,
Как которой хвастат любимой сестрой;
Ой неумной хвастат молодой жонной,
Нерозумной хвастат любимой сестрой.
Как один Дунаюшко не хвастаёт.
Ешше ходит солнышко по полатам белокаменным:
«У нас вси во Киеви пожёнёны,
Фси красны девушки замуж подаваны;
Как один я, солнышко, холос хожу,
Как холос хожу да нежонат брожу.
Вот не знат ли хто мне да молодой жоны:
Ойно у ей тело пороху сьнегу белого,
Тиха рець у ней да лебединая,
Оци у ней да ясна сокола,
Брови у ней да цёрна соболя,
Шьшобы кроф рыскуцёго заюшка?»
Как один из-за середньёго окошка подвигаитце,
Помалёшеньку да подближаетце.
Говорит солнышко ведь во фторой након:
«У нас вси во Киеви пожёнёны,
Фси красны девушки замуж подаваны;
Как один я, солнышко, холос хожу,
Как холос хожу да нежонат брожу.
Вот не знат ли хто мне да молодой жоны:
Ойно у ей тело пороху сьнегу белого,

Тиха рець у ней да лебединая,
Оци у ней да ясна сокола,
Брови у ней да цёрна соболя,
Шьшобы кроф рыскуцёго заюшка?» —
«Красно солнышко, Владимир столён киефської!
Я найду тебе да молоду жону».
«Здраслуй, Дунай да сын Ивановиць!» —
«Ой же ты солнышко Владимир столён киефської!
Я найду тебе да молоду жону:
У ей тело порóху сьнегу белого,
Тиха рець у ней да лебединая,
Оци у ней да ясна сокола,
Брови у ней да цёрна соболя,
Шьшобы кроф рыскуцёго заюшка». —
«Ой бери-ко силы, колько надобно». —
«Как не нать мне твоёй силы — телят пропаших!
Тойко дай-ко мне-ка два удáлых добра молотця:
Одного Олёшеньку Поповиця,
Во вторых Микитиця Добрынюшку:
На одну пору мне-ка Олёша пить подас,
На другу пору мне-ка Добрынюшка коня зберёт».
Как седлали, уздали своих добрых коней,
Как накладывали седёлышка черкальськии,
Одевали усьпехи богатырьцькии.
Только видели их веть седуци,
Как не видели ф цистó полё поедуци:
Не дорогамы да не воротамы,
Церес те ли сьтены городóвыи.
Только жолтыи пески да столбом ставятце.
Как приехал к королю да Ляховинцькому,
Заежжали к королю да на широкой двор,
Как вязали кóней г золотым кольцям,
Г золотым кольцям да г дубовым столбам.
Говорит Дунай да таковы реци:
«Ой же вы, дружья-братья, мои товаришши!
Как я пойду ф полаты белокаменны
Ко тому ли королю да Ляховинцькому;
Как зделаитце у нас ф полаты стук да гром,
Как тогда вы потьте ко мне да на повыроцьку».

«Здрастуй, король да Ляховинцький!
Я х тебе пришол об добром дели — свáтофстви
За того за солнышка князя Владимира:
Ой ту ли Опраксею королевисьню,
Ой ту нать взять ёму ф супружество». —
«Кабы не служил ты у меня ровно деветь лет,
Я бы срубил бы у тя, сказьнил да буйну голову!»
Как скорей наросьнѣ Дунаюшко попятилсэ.
Как скакал король со кроватоцьки тисовыи,
Со той периноцьки пуховыи.
Как хватал Дунай да за жолты кудри,
За жолты кудри да й за белы руки;
Он уш нацял короля похлапывать,
Как похлапыт, да сам пошьшялкиват.
Зделалсэ у их ф полаты стук да гром.
Как идут ёго дружья-братья-товарышши,
Ой нацяли силушку рубить, да как траву косить;
Вырывали двери с ободверьяцямы.
У их зделалсэ ф полаты стук да гром.
Говорит король да Ляховимцькия:
«Ты уйми дружья-братья-товарышшоф!
Я вам отдáю Опраксею с цесью, с радосью
За того за солнышка Владимира».
Как седлали, уздали веть добрых коней,
Накладывали збрую-приправу богатырьцькую,
Уежжали во Киѣф, славѣн Киѣф грат,
Ко тому ко князю солнышку к Владимиру —
Как не дорогамы да не воротамы
Церес те ли сътены городбвыи;
Только жолтыи песоцьки столбом ставятыце.
Не доехафши до Киѣва богатого
Ездит поляниця, веть полякуёт:
Мецѣ копьѣ да по поднебесью,
Наежжат на то копьѣ да мурзоменьцькоѣ,
Хватат она то копьѣ да во белы руки.
Говорит Дунай да сын Ивановиць:
«Ой же вы, дружья-братья-товарышши!
Вы возьмите Опраксею королевисьню,
Вы везите к солнышку к Владимиру;

Я поеду далеце во цистó полё
Побитьце, веть порататьце,
Уш я силою да веть померитьце».
Как розъехалсэ Дунай да сын Ивановиць,
Как ударились во сабельки во вострыи,
Ударились во копя мурзоменьцькии, —
У их фсе до рукоположенья приломалиси;
Оны ударились во палици тяжолыи, —
Как фсе до рукоположенья приломалиси,
Ой ис кóлець вон да вырывалиси;
Оны — лёкким боим да рукопашисьним,
Церес те ли гривы лошадиныя.
Тогды збил Дунай Настасью на сыру землю.
«Ты скажи, скажи, да не утай, скажи:
Ты коёй орды да ты коёй земли,
Ты коёго отця да коёй матушки?» —
«Кабы я у тя сидела на белых грудях,
Ай не спрашивала не имя, не изóтчины,
Ай порола я у тя да белы грудоцьки,
Вынимала ретивó серьце с пеценью». —
«Ой скажи, скажи, да не трати себя!» —
«Ой я есь короля да Ляховимцького,
Ой я есь Настасья королевичья».
Брал он Настасью за белы́ руки,
Целовал Настасью ф сахарьни уста.
Ой седлали, уздали своих добрых коней,
Ой накладывали седёлышка чиркальскии.
Только жолтыи песоцьки столбом ставятце.
Приехали к солнышку Владимиру.
Заводилсэ у солнышка поцесен пир
На фсех князей, на фсех на бóяроф,
Ой на фсих сильниих, могуциих богатырей.
Ешше фси-то на пиру да пьяны, веселы;
Ешше фси-то на пиру да приросхвастались.
Говорит солнышко Владимир столён киефской:
«Как спасибо, Дунай да сын Ивановиць!
Ты нашол веть мне да молоду жону —
Ойно тело пороху сьнегу белого,
Тиха рець у ей, поговора лебединая,

Ой оци у ней да ясна сокола,
Брови у ней да цёрна соболя,
Ой кроф рыскуцёго ли заеця».
Говорит Настасья королевисьня:
«Ой же ты, Дунай да сын Ивановиць!
Я умею стрелять ис туга лука —
Луцьше миня да ни находитце».
Говорит Дунай да сын Ивановиць:
«Умею я да не хужё тебя.
Выходи, Настасья, на Фагор-гору,
На Фагор-гору да на роскатисту!»
Ой нацяли стрелять да ис тугов лукоф
Уш как тема стреламы — каленá стрела.
Говорит Дунай да таковы реци:
«Ой же ты, Настасья королевисьня!
Когда ты стрелять да поцишше миня, —
Где лёжит тело Настасьино,
Путь лёжит тут тело Дунаево!»
Тут Дунаюшку славы поют,
Тут славы поют да старины скажут.

Записана А. В. Марковым от крестьянина деревни Гридина, на Корельском берегу Белого моря, И. Т. Мяхнина, 39 лет.